

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА И. ЛАКАТОСА*

В.А. Бажанов

Опубликовано в журнале:
Вопросы философии, 2008, № 9, с. 147 – 157.

Вот уже более полутора столетий принято считать, что два мощных философских направления – позитивизм и марксизм – конкурируют между собой или даже противостоят друг другу. В советское время сурово критиковали буржуазную философию, и для позитивизма, включая, понятно и постпозитивистские концепции развития науки, не делалось исключения¹. В свою очередь постпозитивизм тоже вроде бы не особенно жаловал марксизм (особенно в лице К. Поппера), хотя не проявлял к нему той степени враждебности и непримиримости, которая была типична для его критики в СССР и других странах социалистического лагеря.

Так ли уж действительно оппозиционны эти два крупных философских направления, что они никак концептуально не пересекались? Или можно говорить о факторах, которые приводили к их взаимному перекрестному "опылению", концептуальному взаимодействию? Оказал ли марксизм в содержательном плане влияние на постпозитивизм² и, если да, то в чем это выразилось? Безусловно влияние западной философии на отечественную гуманитарную и философскую мысль, но правомерно ли говорить о влиянии марксистской философии на западную?

Цель настоящей работы состоит в том демонстрации того, что постпозитивизм:

1. испытал влияние марксизма на уровне глубинных структур (обратное тоже представляется верным);
2. а его "опыление" со стороны марксизма состояло, например, в существенном, хотя и достаточно скрытом использовании И. Лакатосом диалектического инструментария, причем концептуального порядка.

Более того, вполне допустимо констатировать эвристическое влияние не только марксизма на постпозитивизм, но и вообще отечественной философии (понятно, что некоторых ее представителей) на западную философскую мысль, хотя анализ этого влияния не будет являться непосредственной целью данной работы. Однако упоминание этого факта необходимо, особенно в случае философии науки, для реконструкции картины влияния марксизма на некоторых видных представителей, которых обычно относят к постпозитивизму.

---

*Работа поддерживалась грантом РФНФ (07-03-00054а) и Lakatos Research Fellowship (2007 – 2008).

¹ См., например: Панин А.В. Диалектический материализм и постпозитивизм. Критический анализ некоторых современных буржуазных концепций развития науки. М., 1981.

² Понятно, что правомерен и вопрос о влиянии постпозитивизма на марксизм, но это вопрос должен стать предметом специального анализа.

Речь будет идти преимущественно о современных концепциях в области истории и философии науки.

О влиянии отечественной марксистской философии на современную западную философию науки

Рассмотрение влияния одного философского направления на другое, включая анализ влияния какого-то мыслителя на иного, всегда является весьма сложной проблемой, допускающей лишь правдоподобные, а не категоричные заключения. Влияние может иметь место в виде своего рода "импринтинга", когда те или иные положения увлекали и/или принимались в начале творческой жизни учёного, затем были отвергнуты или забыты, но их следы остались в подсознании; в виде некоторых эвристических предпосылок, питающих творчество учёного (вовсе не случайно А. Эйнштейн утверждал, что Достоевский дает ему больше, чем Гаусс); в виде переноса методов одной научной области на другую по аналогии или же абдуктивного рассуждения; в виде заимствования концептуального инструментария и его последующей тонкой настройки под новую предметную область и т.д.

К. Поппер в 1919 году (когда ему было 17 лет), как отмечал сам И. Лакатос³, являлся одним из переводчиков книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" на немецкий язык. Поскольку В.И. Ленина вслед за Гегелем ныне на Западе обычно принято причислять к фаллибилистам (что, по-видимому, является упрощением его реальной точки зрения), то иногда высказывается мнение, что именно он, несмотря на свою диалектику, не принимавшуюся Поппером, выступает одним из источников "жесткого" фаллибилизма последнего⁴.

На П. Фейерабенда в известном смысле оказал заметное влияние В.И. Ленин, работы которого Фейерабенд часто цитирует в своих трудах⁵. Кроме того, Фейерабенд испытал влияние Б. Брехта (комбинация элементов анархии и неуважения к "респектабельности")⁶, а марксиста В. Холличера Фейерабенд вообще считал одним из своих учителей⁷.

---

³ Lakatos archive (London School of Economics), Lakatos's CV. См. также: Lakatos I., Feyerabend P. For and Against Method/ Ed. M. Motterlini. Chicago and London, 1999. P. 33.

⁴ Письма А. Беллами автору настоящей работы от 2 августа и 16 октября 2007 г.

⁵ См., например, Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986, с. 119, 147-148, 286 и т.д.

⁶ Подробнее см.: Kadvanj J. Reason in History: Paul Feyerabend's Autobiography // Inquiry, 1996, N 39, p. 143-144.

⁷ Фейерабенд П. Избранные труды..., с. 520; Lakatos I., Feyerabend P. For and Against Method/ Ed. M. Motterlini. Chicago and London, 1999. P. 153, 216 и т.д.

На Западе некоторые философы науки (вовсе немарксисты, не говоря уж о марксистах⁸) и поныне считают В.И. Ленина одним из влиятельнейших философско-мыслителей XX века (хотя бы в смысле массы людей, которые впитывали и разделяли соответствующие взгляды), его имя часто фигурирует в рассуждениях крупных современных мыслителей⁹, а "Материализм и эмпириокритицизм" с момента выхода которого в 2009 году исполняется 100 лет – одним из крупнейших (в указанном выше смысле) философских трудов прошлого века.

Б.М. Гессен общепризнан как основатель такого мощного направления в истории и философии науки как экстернализм, а его имя значительно шире и активнее, чем у нас в Отечестве, упоминается в западной литературе по истории и философии науки¹⁰. Его "иконоборческая" работа "Социально-экономические корни механики Ньютона" оказала сильное воздействие не только на таких выдающихся исследователей как Дж. Бернал, Р. Мертон, Э. Мендельсон, Дж. Нидам, Дж. Равец, Э. Цильзель¹¹, но и на формирование экстерналистских по своему существу принципов, которые лежат в основаниях Эдинбургской школы социологии науки, представленной Б. Барнсом, Д. Блуром, Ст. Шапином и др. По мнению Г. Верски, именно "К. Маркс является крестным отцом целого бурно развивающегося направления исследований – социальной теории науки (Social Theory of Science)"¹².

Можно смело утверждать, что и творчество И. Лакатоса в силу ряда причин пропитано диалектическими (и марксистскими!) мотивами, хотя, разумеется, особым образом осмысленными и в конечном счёте переплавленными в методологию научно-исследовательских программ, причем эта переплавка произошла не единомоментно, а шла по мере его интеллектуальной эволюции. На И. Лакатоса оказали влияние Гегель, В.И. Ленин, Д. Лукач, видимо, в определенной степени С.А. Яновская, не говоря уж о А. Сабо (занимавшимся историей математики и философией античного периода), Л. Кальмаре (близком к философии математики эмпирического толка), Ш. Карасони (учителя в университете и оппонента по диссертации, защищенной в Венгрии), К. Поппере и Д. Пойа.

---

⁸ Представитель ортодоксального марксизма из Ирландии Е. Шихан в статье "Марксизм и исследование науки" отмечает, что "марксизм – снова считается ересью". См.: Sheehan H. Marxism and Science Studies: A Sweep through the Decades // International Studies in the Philosophy of Science, 2007, Vol.21, N 2. p. 207.

⁹ См., например, работы С. Жижика на сайтах: <http://www.marxist.org>, <http://www.16beavergroup.org>.

¹⁰ См., например, Бажанов В.А. Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // Эпистемология и философия науки, 2007, Т. XI, №1, с. 146 – 156.

¹¹ См.: Werskey G. The Visible College. L.: Allen Lane, 1978. P. 138-149.

¹² Werskey G. The Marxist Critique of Capitalist Science: A History in Three Movements?// <http://www.human-nature.com/science-as-culture/werskey.html> . В данном случае нельзя забыть и Т.И. Райнова как одного из родоначальников социологии науки.

При анализе творчества И. Лакатоса надо иметь в виду, что он, как отмечают многие его исследователи, тщательнейшим образом скрывал предпосылки и концептуальные источники этого творчества¹³. Это вполне естественно и объяснимо. В Венгрии почти до начала 1950-х годов Лакатос был последовательным, убежденным и даже фанатичным партийным функционером, настолько убежденным, что его коммунистические идеалы не поколебал арест (кстати, по некоторым сведениям состоявшийся в Москве) и трехлетнее пребывание в венгерском лагере. Лакатоса винят даже в смерти одной своей соратницы, которая могла выдать нелегальную группу антифашистов¹⁴, вероятном сотрудничестве с администрации лагеря (предположительно благодаря которому он был освобожден через три года – это было наградой за "примерное" поведение) и поэтому его реноме среди современников-венгров было, мягко говоря, неважным¹⁵. Будучи чиновником министерства культуры в конце 1940-х годов, он немало сделал для обвинения преподавателей колледжа Этвеша, где сам какое-то время учился, в пропаганде чуждых социализму взглядов и для закрытия колледжа. В конце концов, однако, наступило прозрение; Лакатос участвует в восстании 1956 года, уезжает в Австрию, а затем эмигрирует в Англию, где его политические убеждения резко меняются¹⁶. В Венгрии Лакатос опубликовал ряд философских статей, защитил диссертацию (текст которой утерян), недолго учился в Москве и слушал лекции С.А. Яновской по математической логике и даже вроде бы хотел поступить к ней в аспирантуру¹⁷.

В Англию он приехал уже в определенной мере сформировавшимся исследователем. Начать новый период творчества с абсолютно чистого листа уже было невозможно. Предстояло написать новую диссертацию (по философии математики). В Англии Лакатос придерживался уже выраженных антикоммунистических (точнее антисталинистских) взглядов, сдвинувшихся с крайне левого на крайне правый конец политического спектра. Ни новое окружение Лакатоса, ни его новые учителя – Р. Брейтуэт

---

¹³ Этот факт отмечается, например, в работе: Kutrovatz G. Lakatos's Philosophical Work in Hungary // 13th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. Abstracts. Beijing, 2007, p. 334.

¹⁴ См., например, Kadvany J. Imre Lakatos and Guises of Reason. Durham, 2001, p. 289.

¹⁵ См.: Festa R. Review of: Appraising Lakatos. Mathematics, Methodology, and the Man // British J. for the Philosophy of Science, 2006, vol. 57, p. 252.

¹⁶ Ж. Вайда пишет о том, что жизнь Лакатоса распалась на две непохожих части – венгерскую и английскую – которые можно охарактеризовать как "демоническую и ангельскую". Zs. Vajda. Research report "Hungarian connection". Search on Imre Lakatos's notes and correspondence in Hungarian (London – Szeged, 2006).

¹⁷ Бывшая аспирантка Д.П. Горского, а ныне профессор МГУ Г.В. Сорина слышала от своего научного руководителя рассказ о том, что они вместе с Лакатосом посещали лекции С.А. Яновской и, позже, встретившись на одном из конгрессов за границей, Горский спросил Лакатоса почему тот не упоминает Яновскую, влияние которой на его концепцию достаточно выражено. Лакатос, задумавшись, ответил "Да так, впопыхах не успел" (письмо автору от 6 октября 2007 г.). Мне кажется, что это влияние имело место в части признания роли критики в прогрессе науки и определении и механизмов способов образования и эволюции понятий.

и особенно К. Поппер, понятно, не питали сколько-нибудь выраженных симпатий к коммунизму.

То, что относилось к венгерскому периоду жизни, Лакатосом было прочно забыто, вытолкнуто в подсознание¹⁸. Лакатос старался тщательно маскировать истоки и основания той части своего концептуального багажа, привезенного из Венгрии, которая относилась к господствующей в Восточной Европе идеологии. Поэтому реконструкция глубинных структур, своего рода "архетипов" английского периода творчества Лакатоса представляется весьма непростой задачей, предполагающей анализ его нетривиальных в концептуальном отношении идей и выявление прямого, а чаще косвенного, влияния на него тех или иных мыслителей.

Один из венгерских учителей И. Лакатоса, который оказал на его становление заметное влияние, был Д. Лукач¹⁹. Впрочем по мере роста известности, Лакатос был всё менее и менее склонен признавать влияние на себя третьих лиц²⁰. Кстати, Д. Лукач также был склонен вуалировать основания своего философского творчества.

Венгерский период творчества И. Лакатоса: марксистский фундамент

Научная жизнь Лакатоса началась еще во время учёбы в университете Дебрецена²¹, когда он стал посещать кружок Ш. Карасони (1891 – 1952) довольно широкой гуманитарной направленности, в который, однако, ходили и будущие крупные математики – Л. Кальмар (1905 – 1978) и П. Роша. В кружке господствовала атмосфера свободного обсуждения докладов, их критика, предполагавшая на неё реакцию в виде диалога. Именно такая форма была позже выбрана Лакатосом для "Доказательств и опровержений".

Почти одновременно с посещением кружка Карасони Лакатос тесно общался с А. Сабо (1913 – 2001), интересы которого касались истории античной философии и математики этого периода. Сабо увлекался философией Платона, которую он активно обсуждал с друзьями и специально изучал диалектику в изложении классиков марксизма. У Сабо и Лакатоса была даже идея написать совместную работу по истории диалектики.

---

¹⁸ Хотя Лакатос продолжал интересоваться тем, что издается на Востоке (письмо К. Хаваш автору от 7 июля 2003 г.). В архиве Лакатоса хранятся письма своих восточно-европейских коллег, а с некоторыми советскими учеными он вел довольно оживленную переписку, например, с Г.П. Щедровицким и Л.А. Марковой (Lakatos archive, items 13/591, 13/819). В библиотеке Лакатоса находилось значительное количество советских философских книг. Связи Лакатоса и советских учёных я собираюсь посвятить отдельную работу.

¹⁹ См.: Dusek V. Brecht and Lukacs as Teachers of Feyerabend and Lakatos: the Feyerabend-Lakatos Debate as Scientific Recaptulation of the Brecht-Lukacs Debate // History of the Human Sciences, 1998, vol. 11, N 2.

²⁰ См.: Kadvaný J. The Extraterritoriality with Imre Lakatos: A Conversation with Janos Radványi // Paranoia with Reason. Chicago, 1999, p. 52.

²¹ Некоторые биографические сведения о Лакатосе можно также найти в: Порус В.Н. Рыцарь Ratio // Вопросы философии, 1995, № 4.

Что касается математики, то Сабо считал её квазиэмпирической наукой, сущность которой не сводится к дедуктивному методу, представленному Евклидом, а ее история – не просто последовательность открытия теорем, а постановка и решение – успешное или неуспешное – тех или иных проблем. Взгляды Сабо были близки к фаллибилизму, и он настаивал на том, что аксиоматический метод в древней Греции родился из диалектического метода. Такого рода взгляды были характерны в последующем и для Лакатоса, который от Сабо он получил "мощное интеллектуальное орудие в виде марксистско-ленинской диалектики"²².

Л. Кальмар, с которым Лакатос был очень дружен, также был сторонником эмпирического истолкования природы математики. Придет время и Лакатос будет сурово критиковать понимание математики как последовательной и исключительной дедуктивной науки.

Многие исследователи творчества Лакатоса замечают значительную степень преемственности между его венгерским и английскими периодами, причем в английском периоде венгерские наработки были лишь усилены²³.

Вовсе неслучайно А. Сабо и Л. Кальмар были приглашены на весьма представительный международный коллоквиум по философии науки в Лондоне в 1965 году, в организации которого Лакатос принял деятельное участие и на котором они сделали доклады "Греческая диалектика и Евклидова аксиоматика" (А. Сабо)²⁴ и "Основания математики. Куда развиваться?" (Л. Кальмар)²⁵ и приняли активное участие в обсуждении других докладов. Двадцать лет спустя после в новом переосмысленном виде разворачивались идеи, которые воспринимал от них молодой Лакатос. Возможно, что такой выбор тематики был отчасти predetermined им самим, который хотел, чтобы его англо-американские коллеги подробнее познакомились с восточно-европейской точкой зрения и на греческую диалектику (которую они не жаловали), и с возможностью своеобразного эмпирического осмысления оснований математики. Этот коллоквиум собрал очень известных, ведущих философов науки: А. Тарского, Р. Карнапа, К. Поппера, Т. Куна, Дж. Уоткинса, А. Айера, М. Бунге, С. Тулмина, М. Хессе, У. Куайна, П. Суппеса, Я. Хинтикку и др., равно как и математиков: П. Бернайса, А. Гейтинга, А. Робинсона, А. Мостовского, С. Клини, И. Бар-Хиллела, Л. Гурвица, Р. Сушко и т.д.

---

²² См.: Mate A. Arpad Szabo and Imre Lakatos, or the Relation Between History and Philosophy of Mathematics // Perspectives on Science, 2006, vol. 14, N 3, p. 45.

²³ См.: Gurka D. A Missing Link: The Influence of Laszlo Kalmar's Empirical View on Lakatos' Philosophy of Mathematics // Perspectives on Science, 2006, vol. 14, N 3, p. 10-12.

²⁴ Szabo A. Greek Dialectic and Euclid's Axiomatics // Problems in the Philosophy of Mathematics/ Ed. I. Lakatos. Vol. I. Amsterdam-L., 1967.

²⁵ Kalmar L. Foundation of Mathematics – Whither Now? // Problems in the Philosophy of Mathematics/ Ed. I. Lakatos. Vol. I. Amsterdam-L., 1967.

В июле 1947 года в Дебрецене Лакатос защитил диссертацию на тему "Социально-исторические аспекты формирования понятий в естественных науках". Карасони был одним из оппонентов. Текст диссертации считается утерянным. Однако о ее содержании можно судить по публикациям, относящихся к данному периоду, в которых Лакатос достаточно полно изложил предположительно ключевые идеи диссертации.

Знакомство с этими текстами показывает, что Лакатос уже тогда пытался осмыслить феномен науки, ее место в обществе и развитие, и делал это вполне в марксистском духе в статье "Современная физика и современное общество"²⁶. И здесь нет ничего удивительного: в послевоенной Венгрии иная идеология и не имела права существовать. Кроме того, в Венгрии работал такой яркий и идущий философ-марксист как Д. Лукач, который по воспоминаниям современников был кумиром молодежи и молодое поколение венгров-гуманитариев в большей или меньшей степени у него старательно училось. Лакатос посещал лекции Д. Лукача и, таким образом, не был исключением. Многие современные исследователи творчества Лакатоса в марксистской составляющей его творчества специально отмечают интеллектуальное влияние Д. Лукача, который являлся и его формальным научным руководителем²⁷.

Касаясь философско-методологических проблем физики и ее места в общественном развитии в указанной выше статье, Лакатос совершенно в ленинском духе критикует "физический идеализм", утверждая, что изучение атома привело к краху союза метафизического материализма и формальной логики подтвердило ленинскую мысль об отражении в нашем сознании всё более и более глубоких пластов объективной реальности, диалектическое учение о познании и необходимости принятия принципа историзма, исторического метода как имманентного развитию науки вообще и физики в частности. Лакатос обвиняет в физическом идеализме Дж. Джинса, А. Бергсона и А. Эддингтона, отмечая, что их рационализм фактически является иррационализмом. Лакатос затрагивает марксову идею товарного фетишизма, которая, по его мнению, способна пролить свет на причину почему буржуазные учёные трактуют принцип неопределенности Гейзенберга как свидетельство в пользу индетерминизма, принимая этот принцип за выражение конечной сущности, которая определяет индетерминизм данной теории. Он подробно останавливается на анализе книги С. Стеббинг "Философия и физики" и особый акцент делает на социальном аспекте применения возможностей атомной энергии и на процедурах формирования понятий. По-видимому, здесь кроется

---

²⁶ Kutrovatz G. Imre Lakatos. Modern Physics, Modern Society. <http://hps.elte.hu/~kutrovatz/lakatos0.html> .

²⁷ См., например, Kadvaný J. Imre Lakatos and the Guises of Reason. Durham-L., 2001. p. 288; . Ropolyi L. Lakatos and Lukacs // Appraising Lakatos. Mathematics, Methodology, and the Man. Dordrecht -- Boston – L., 2002, p. 320. Впрочем, в архиве Лукача имеется лишь одна открытка, которая им была послана Лакатосом.

прообраз его будущей методологии научно-исследовательских программ и именно в этом прообразе можно найти следы концептуального влияния на Лакатоса С.А. Яновской.

Рассуждая о роли образования и демократии в обществе, Лакатос отстаивает позицию, согласно которой человеческая природа изменяется вовсе не в результате духовного обновления и/или образования, а в конечном счете как производная от изменений в способе производства. При капитализме труд не формирует человека, а "парадоксальным" способом разрушает его родовую сущность. Капиталистическая реальность всё более и более поработачивает человека, лишая его свободы и тем самым является дегуманизирующим строем. Социализм, утверждал Лакатос, ликвидирует эту причину и открывает путь человека к раскрепощению своей родовой сущности и подлинному гуманизму.

Лакатос специально останавливается на диалектическом методе и подчеркивает, что гегелевская диалектика описывает метаморфозы Абсолютного духа, а К. Маркс переосмыслил её на материалистической основе, как эффективный метод анализа развития общественных и, прежде всего, экономических отношений. Диалектический метод предполагает рассмотрение исторических аспектов каждой конкретной проблемы, а наличие противоречия свидетельствует вовсе не об ошибке субъекта познания, а о саморазвитии (человеческого) духа и общества.

Нетрудно заметить, что взгляды Лакатоса в венгерский период его творчества не отличались какой-либо оригинальностью и были выдержаны вполне в марксистском ключе. По всей видимости, Лакатос никогда не читал непосредственно Гегеля²⁸, а воспринял диалектические идеи посредством знакомства с трудами Маркса, Ленина и Лукача. Эти идеи составили фундамент творчества его английского периода. Как и полагается, фундамент в возведенном Лакатосом величественном здании методологии научно-исследовательских программ не заметен, и даже тщательно замаскирован. Но его существование несомненно. Говорят даже о своеобразном воспроизводстве Лакатосом духа рассуждений Лукача в контексте англо-американской традиции, в которой всегда была довольно скудно представлена тематика, относящаяся к историческим аспектам развития науки²⁹.

Иногда высказывается документально неподтвержденное убеждение, что Лакатос вдумчиво читал Поппера и Ф. Хайека в конце 1940-х годов. Это представляется сомнительным, так как книги этих авторов в тот период можно было найти в лучшем

---

²⁸ Motterlini M. Reconstructing Lakatos. Centre for Philosophy of Natural and Social Science (paper DP 56/01). LSE, 2001. p. 7.

²⁹ См.: Kadvaný J. Imre Lakatos and the Guises of Reason.... p. 287.

случае в т.н. спецхранах. Если они там и имелись, то доступ к ним таким достаточно мелким чиновникам каким являлся Лакатос был, надо полагать, весьма непростым.

В его творчестве в Англии в концентрированном и преображенном (если использовать гегелевское выражение – то в снятом) виде представлен едва ли не весь его жизненный и теоретический опыт, приобретенный в Венгрии. Так, даже базисные понятия терминологии научно-исследовательских программ Лакатоса могут быть навеяны практикой коммунистического сопротивления фашизму, в котором он принимал деятельное участие. "Жесткое ядро", "защитный пояс" – это всё понятия, принятые в нелегальном коммунистическом движении³⁰ и вероятно, что в модифицированном виде они были перенесены по аналогии на новую предметную область.

Английский период творчества И. Лакатоса: переосмысление диалектики

В Англии Лакатос начал свою научную карьеру формально с нуля. Он поступил в аспирантуру университета Кембриджа (многие сотрудники и студенты которого в середине XX века отличались своими левыми взглядами) и заново занялся написанием диссертации под руководством Р. Брейтуэйта, на сей раз в области философии математики. Именно данная диссертация явилась основой его книги, которая стала широко известна и принесла ему славу – "Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы". В СССР эта книга (в сокращенном варианте) была вскоре издана тиражом 70 000 экземпляров совсем не в качестве философского труда, а как популярная книга по математике, хотя и была переведена на русский язык философом. Да и Лакатос представлялся в ней как специалист по математической логике. В предисловии, правда, указывалось, что автор трудится в "Лондонском экономическом училище" и книга посвящена Г. Поля (Д. Пойа в иной транскрипции – В.Б.) и К. Попперу, "видному представителю неопозитивизма", но её замысел обрисован как продолжение идей Г. Поля (Д. Пойа), изложенных в популярных в СССР книгах по математике ("Как решать задачу". М., 1961; "Математика и правдоподобные рассуждения". М., 1957, кстати, с предисловием С.А. Яновской, и др.). В противном случае книга вряд ли могла увидеть свет. Только под личиной математического издания она имела шанс быть прочитанной

---

³⁰ Ropolyi L. Lakatos and Lukacs // *Appraising Lakatos. Mathematics, Methodology, and the Man.* Dordrecht -- Boston – L., 2002, p. 315. Так, В.И. Ленин в работе "Что делать?" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 5) пишет о "тесном, сплоченном" ядре (революционеров-профессионалов) и самой партийной организации. Именно эта работа затрагивается в продолжительной дискуссии И. Лакатоса и П. Фейерабенда. Lakatos I., Fejerabend P. *For and Against Method/ Ed. M. Motterlini.* Chicago and London, 1999. P. 153.

советским читателем. Величиной тиража, который был довольно обычным для СССР, вспоминают его коллеги, Лакатос очень гордился³¹.

После защиты диссертации Лакатос стал работать в Лондонской школе экономики и здесь его научным ментором стал К. Поппер. Однако Поппер явился для Лакатоса не только учителем, некоторые идеи которого послужили предпосылками его собственной оригинальной концепции, но и интеллектуальным противником, который заставлял Лакатоса выдвигать положения, принципиально несовместимые с идеями старшего коллеги, оттачивать и развивать их. Это, прежде всего, идеи, которые относились к диалектике³², а, стало быть, к Гегелю и его марксистским последователям, прежде всего Ленину и Лукачу.

Иногда марксистское влияние на Лакатоса сводят исключительно к Лукачу на основании того, что другие марксистские автору Лакатосом цитируются редко или вообще не упоминаются³³. Однако стиль Лакатоса таков, что он вообще был не склонен упоминать кого-либо, включая Лукача. Так, Лакатос критикует книгу Э. Мольнара о диалектике недвусмысленно исходя из идей книги Лукача "История и классовое сознание", но Лукач им не упоминается³⁴. Как это водилось в странах с безусловным господством социалистической идеологии чтение *классиков* для философов было абсолютным условием. Без *первоисточников* обойтись было невозможно. Лукач к классикам при всей его популярности среди молодых венгров никак не относился, а, значит, знакомством с Марксом, Лениным и по вполне понятным причинам Сталиным пренебречь было нельзя.

Другими предпосылками философско-методологической концепции Лакатоса явились критический рационализм Поппера и применение методов правдоподобных умозаключений, эвристики Д. Пойа. Если вдуматься, то многие составляющие этих предпосылок трудно стыкуются друг с другом.

Тот факт, что Лакатос явился в определенном плане продолжателем дела и концепции Поппера и использовал элементы его стиля изложения и терминологию совсем не означает, что Лакатос стал разделять анти-диалектические взгляды своего учителя. Возражение Поппера против диалектики и статуса формально-логического противоречия

---

³¹ Сообщение А. Беллами (письмо автору от 19 декабря 2006 г.). Обширная переписка Лакатоса свидетельствует, что об этом факте он неоднократно с гордостью упоминал в письмах своим близким друзьям и коллегам, например – М. Вартофскому и В. Юрграу (Lakatos archive, items 13/966 и 13/ 1037).

³² Существует, впрочем, точка зрения, согласно которой как К. Поппер, так и Т. Кун, являлись диалектиками, т.к. признавали существование стадий и законов развития знания, методов его совершенствования и логического описания этого процесса. См.: Kvasz L. Lakatos' Methodology Between Logic and Dialectic // Appraising Lakatos. Mathematics, Methodology, and the Man. Dordrecht – Boston – L., 2002, p. 211.

³³ Так поступает, например, Л. Рополи. См.: Ropolyi L. Lakatos and Lukacs...

³⁴ Ropolyi L. Lakatos and Lukacs... p. 315.

не вполне убедительны и вызваны, попросту говоря, его "неквалифицированным пренебрежением к Гегелю"³⁵. Впрочем, Лакатос отходит от Гегеля когда речь заходит о признании объективности противоречия или более четком, чем у последнего, выражении фаллибилизма, когда необходимо констатировать предположительность любого знания.

В английский период творчества Лакатос принимает некоторые представления Поппера о росте знания, но он организует свой дискурс таким образом, что под оболочкой попперовских представлений находилось не вполне "попперовское", а в значительной мере – в части, относящейся к диалектике -- даже анти-попперовское содержание. Лакатоса можно считать продолжателем "дела" своего учителя в духе гегелевского представления о "снятии" в процессе развития.

Интересы Лакатоса эволюционировали от философии математики к методологии исследовательских программ, но философия математика всегда оставалась в фокусе его внимания. В одном из писем к М. Вартофскому (1970 г.) Лакатос выражал желание основать школу *диалектической* (курсив мой – В.Б.) философии математики³⁶. Если учитывать тот факт, что Лакатос скрывал свои симпатии к диалектике, а в данном случае сказал о приверженности диалектике открыто (хотя и в письме к коллеге), то это свидетельствует о серьёзности его намерений. Впрочем, использование диалектики было достаточно очевидно для его коллег; например, М. Вартофский писал, что "Лакатос – выраженный гегельянец... Он знает, что является таковым, но не хочет, чтобы другие это знали"³⁷, а П. Фейерабенд отмечал, что "единственный философ, кто секретным образом ассимилировал ленинизм – это Лакатос, и результаты этой ассимиляции заметны по его замечательной работе; сейчас требуется лишь открыто сознаться в существовании этого порока"³⁸. М. Моттерлини, один из современных и наиболее глубоких исследователей творчества Лакатоса, прямо называет его "марксистом" и поэтому не стоит удивляться тому, что действительные принципы научных и политических трансформаций он стремится, прежде всего, раскрыть на материальном уровне, уровне реальной практики, а не в сфере чистых идей³⁹.

Заслуга Лакатоса в области философии математики заключается в том, что он показал *внутреннюю*, сокровенную жизнь этой науки, которая вовсе не сводится к абсолютному доминированию дедуктивного метода и формальных процедур вывода. В его истолковании математика развивается также путем "проб и ошибок" и находится

---

³⁵ Kadvany J. Imre Lakatos and the Guises of Reason... p. 141.

³⁶ Lakatos archive, item 12.1.

³⁷ Цит. по: Kadvany J. Imre Lakatos and the Guises of Reason... p. 6.

³⁸ Ibid.

³⁹ См.: Motterlini M. Reconstructing Lakatos: A Reassessment of Lakatos' Epistemological Project in the Light of Lakatos Archive // Studies in History and Philosophy of Science, 2002, vol. 33, p. 489.

значительно ближе к эмпирическому знанию, нежели ранее было принято считать. Доказательства не абсолютны; надо признать их предположительный характер, равно как и эволюцию представлений о строгости.

В этом пункте Лакатос резко расходился с Поппером. Лакатос также утверждал, что даже нищета историцизма лучше, чем полное отсутствие оног⁴⁰. Для Лакатоса существование стадий развития математики или вообще науки – очевидный факт. Сам он полагал, что его идеи касаются последних трех столетий развития науки, и не более того. Важность исторического фактора в философско-методологическом дискурсе придает особое значение историографии, которая, наряду с критической составляющей, становится неотъемлемой и равноправной частью иным частям любого философского исследования. Неслучайно Лакатос уделял историографии первостепенное значение⁴¹. Здесь мы наблюдаем своего рода самоприменение методологии исследовательских программ, когда эта методология проверяет себя на материале собственного генезиса (подобно тому, как Абсолютная идея Гегеля предполагала рефлексию в собственное развивающееся содержание). Кроме того, методология корректируется в этом процессе. Логика научного исследования видоизменяется в зависимости изменения предметной области, методологического антуража, стадии анализа и т.п. Общие методологические положения преломляются в соответствии с особенностями новых реалий (подобно тому, как диалектический метод преломлялся Гегелем по отношению к феноменам права, религии, искусства и т.д.).

Если и у Поппера, и у Лакатоса в методологии предполагается прогресс путем проб и выявления ошибок, запускающий действие фальсификации, то у Гегеля речь идет о прогрессе посредством критической (само)рефлексии. Если Лакатос критикует Поппера и предлагает "историоризацию" методологических категорий, то у Маркса подвергается критике классическая политическая экономия и уже "историоризируются" экономические категории. Если Лакатос отказывает ученым в правильном понимании используемой ими самими методологии, то у Гегеля говорится о ложном осознании историческими личностями тех или иных фактов, а у Маркса – о превращенных формах сознания, включая осознание классовых интересов. Если Лакатос связывает прогресс науки с выработкой научной элитой новых перспективных методов исследования, то марксисты

---

⁴⁰ Цит. по: Motterlini M. Reconstructing Lakatos: A Reassessment of Lakatos' Epistemological Project in the Light of Lakatos Archive // Studies in History and Philosophy of Science, 2002, vol. 33, p. 502.

⁴¹ По воспоминания Дж. Уоткинса, Лакатос был вне себя, когда историографический материал в его статье в книге, посвященной Попперу, был в корректуре набран не подстрочно, а отнесен в конец статьи, т.к. статья лишалась историографической "наглядности". Он потребовал заново набрать статью, но Уоткинс отказал в этой просьбе. Вечером того же дня Лакатос скончался. См.: Watkins J. The Propositional Content of the Popper-Lakatos Rift // Appraising Lakatos...p.3.

писали о передовых классах, деятельность которых прокладывает путь прогрессивного развития в истории. Аналогичные "параллели" между Лакатосом и диалектиками могут быть продолжены.

В отличие от Поппера, как известно, начисто отвергавшего диалектику, Лакатос видел положительную роль противоречий в развитии науки, более мягко истолковывал влияние эксперимента на развитие теории, поскольку знание исторических прецедентов заставляло его не связывать с экспериментом "сиюминутного" подтверждения или опровержения теории, а допускать осознание смысла эксперимента десятилетия спустя. Реконструкция, по Лакатосу, ретроспективная по своей сущности операция, которая может "спрямлять" реальную траекторию исторического развития. Сова Минервы, как известно, вылетает в сумерки, когда развитие уже завершило или завершает свой цикл. В философии науки роль Сова Минервы как раз и играет процедура реконструкции. В этом смысле философско-методологическую концепцию Лакатоса уместно назвать недетерминистическим историзмом. Недетерминистическим в том смысле, что он никоим образом не рассматривал методологию в качестве повивальной бабки новых открытий или достигнутых наукой результатов, а усматривал в ней элементы подсказок, помогающие объяснить уже имевшие место открытия или иные научные результаты.

Лакатос выделял внутреннюю и внешнюю историю (науки или математики). Внутренняя история формировалась в результате потока идей и представлений, имманентных данной области, а внешняя – социокультурным фоном, который сопровождал и как бы обрамлял этот поток. Попытка свести до минимума или вообще избежать рассмотрения воздействия внешней истории на филиацию идей в математике, т.е. приверженность интернализму, – это, конечно, так сказать, уже вполне немарксистский компонент в творчестве Лакатоса.

Замысел диалектической философии математики состоял в анализе того, как математическая аргументация в процедурах доказательств и опровержений, состоящая из примеров (тезис), контрпримеров (антитезис) ведет к совершенствованию математических понятий (синтез), когда определенной аргументации противопоставляется контраргументация и ищется "синтезирующее" решение. Таким образом, метод доказательств и опровержений можно описывать в буквальном смысле посредством знаменитой гегелевской триады⁴². В этой связи принято говорить об очевидном

---

⁴² См., например: Larvor B. Lakatos. An Introduction. L. – N.Y., 2005, p. 25.

"математическом гегельянстве" Лакатоса⁴³ и/или его "приверженности Гегелю и блестящем марксизме"⁴⁴.

Понимание природы творчества Лакатоса требует учесть еще одно обстоятельство, опять-таки связанное (по крайней мере, косвенно) с Гегелем. У Гегеля Лакатос заимствовал не только диалектический метод, но и, так сказать, телеологический аспект и в известной мере манеру изложения. Подобно тому, как Гегель в "Феноменологии духа" предстает как педагогический философ, стремящийся донести до читателя архитектонику и детали своей системы, изложить ее так, чтобы она была понята, так и Лакатос в "Доказательствах и опровержениях" преследует педагогические цели. Речь идет не просто о популярном изложении своих идей – Лакатос здесь вовсе не упрощает содержание своей концепции, что типично для популярного жанра, а старается излагать ее таким образом, чтобы читатель мог следить за ходом нетривиальной мысли, видел её последовательность, смог воссоздать всю картину формирования представлений о предмете анализа (многоугольнике в связи с формулой Эйлера) и был убежден в том, что реконструкция этой картины адекватна реальному историческому процессу. Ввиду именно педагогических соображений Лакатос допускает элементы сознательной фальсификации истории, придавая своей концепции статус прескриптивной по духу.

Гегель в "Феноменологии духа" в какой-то мере следует нарративной манере изложения, впервые предложенной Гёте в "Вильгельме Майстере"⁴⁵, отличающей так называемые просветительские романы (*Bildungsroman*); так и Лакатос в "Доказательствах и опровержениях" придерживается аналогичной нарративной манеры, преследуя аналогичные – образовательно-педагогические – задачи.

Впрочем, книга "Доказательства и опровержения" привлекла существенно меньшее внимание академической среды, нежели книга прямо излагающая методологию научно-исследовательских программ⁴⁶. В СССР первая книга, как уже отмечалось, в силу серьезных сокращений (как раз собственно философских фрагментов) вообще воспринималась преимущественно как математический или историко-математический труд.

Методология научно-исследовательских программ предполагает *синтез* последовательно сменяющихся теорий, соответствующих им (своего рода частных) методологий, интерпретаций и переинтерпретаций экспериментов.

---

⁴³ Larvor B. Lakatos' Mathematical Hegelianism // The Owl of Minerva, 1999, vol. 31, N 1, p. 18.

⁴⁴ Kadvaný J. Imre Lakatos and the Guises of Reason... p. 2, 7, 144.

⁴⁵ См.: Kadvaný J. A Mathematical *Bildungsroman* // History and Theory, 1989, vol. 28, p. 26-27.

⁴⁶ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.

Если у Д. Поля понятие эвристики используется для того, чтобы вскрыть объективные свойства математических объектов и найти путь к решению конкретных задач, то у Лакатоса в его методологии научно-исследовательских программ понятия, относящиеся к разного рода эвристикам, выступают как инструменты анализа роста знания посредством нахождения аргументов и контраргументов, т.е. как диалектика, связанная с достижением нового уровня знания. Именно этим, прежде всего, занят персонаж *Пи* уже в "Доказательствах и опровержениях", где лакатосовская методология работает, но еще находится как бы в стадии становления. Речь идет не просто о нахождении контрпримеров, опровергающих данные положения и гипотезы, а о синтезе нового знания. Представление об эвристике у Лакатоса претерпевало изменение, но в любом случае его ядро сохранялось. "Диалектика (или эвристика как ее называет Лакатос), - замечает Б. Ларвор, - это аргументативный процесс, благодаря которому математическое сообщество убеждает себя в необходимости усовершенствовать или изменить свой теоретический словарь"⁴⁷. Знание, которое выступает как результат синтеза, завтра уже приобретает статус тезиса и этот прогресс бесконечен.

Таким образом, Лакатос *переосмысливает* диалектику, придавая ей внешний облик эвристики. Впрочем, иногда высказывается мнение, что именно диалектика помешала Лакатосу сформулировать эффективную методологическую концепцию, которая была бы прозрачна, конструктивна и доступна для широкого использования⁴⁸.

Особое место в концепции Лакатоса занимает фаллибилизм. Это та линия, где – с современной точки зрения -- позиции Гегеля и Поппера смыкались. М. Моттерлини относит фаллибилизм Лакатоса за счет влияния Поппера⁴⁹, однако А. Беллами категорически с ним не согласен и утверждает, что фаллибилизм Лакатоса впитал, читая "Материализм и эмпириокритицизм", где он не мог не заметить в целом позитивное отношение Ленина, например, к П. Дюгему⁵⁰ и ленинскую трактовку соотношения объективной, абсолютной и относительной истины. Точка зрения фаллибилизма (в виде идеи приближения к истине) у Лакатоса уже неявно присутствует в его работах венгерского периода.

Действительно, он еще в работе "Современная физика и современное общество" пишет, упоминая иногда Ленина, о возможности бесконечном приближении разума к объективной реальности, её неисчерпаемости, о достижениях физики, связанных с признанием принципа историзма, об его ассимиляции в естественных науках в целом и

---

⁴⁷ Larvor B. Lakatos. An Introduction... p. 16.

⁴⁸ Kvasz L. Lakatos Methodology Between Logic and Dialectic // Appraising Lakatos... p. 239.

⁴⁹ Motterlini M. Reconstructing Lakatos: A Reassessment of Lakatos', p. 489.

⁵⁰ Сообщение А. Беллами (письмо автору от 13 августа 2007 г. и устные сообщения).

т.п. Впрочем, упоминание классиков в то время не обязательно свидетельствовало об искренних убеждениях автора цитат, а могло заключать в себе некий ритуальный момент марксистского дискурса, связанный с необходимостью не только упомянуть авторитетное мнение, но и обосновать свою мысль путем апелляции к авторитету.

Таким образом, можно заключить, что марксизм оказал определенное влияние на постпозитивизм и особенно ощутимым оно было в случае Лакатоса, диалектические основания творчества которого позволяют назвать его своего рода троянским конем по отношению не только постпозитивизму, но и всей англо-американской философии – если особенно учесть его заслуги в распространении на Западе исторического метода в области философии науки.

Аннотация

В статье обосновывается, что позитивизм испытал влияние марксизма на уровне глубинных структур. Акцент сделан на философской концепции И. Лакатоса, где хотя и неявно, но достаточно существенно использован диалектический метод и определенные положения, характерные для марксистской философии.

Annotation

The paper deals with Marxist impact toward positivism. The emphasis is done upon the philosophy of Imre Lakatos where implicitly though to large extent dialectical style of reasoning is implemented and certain principles typical for Marxist philosophy.